

И. А. Макаров

ДВЕ МЕТРИЧЕСКИЕ ЭПИТАФИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

В 1987 г. при раскопках в юго-восточной части херсонесского городища (так называемая цитадель) в засыпи у XIX куртины оборонительной стены был обнаружен фрагмент плиты (рис. 1) из крупнозернистого мрамора с греческой надписью (руководитель раскопок И.А. Антонова)¹. Размеры фрагмента: высота – 26 см, ширина – 17 см, толщина – 7, 5 см. Высота букв –

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Античный полис, местное население и мировые империи на юге России в древности и раннем средневековье».

¹ Плита хранится в эпиграфической коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический», инв. № 30/37193. Подробнее о раскопках, проводившихся под руководством И.А. Антоновой на территории так называемой цитадели, см. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели Херсонеса Таврического // Боспорские исследования XIX. Симферополь–Керчь, 2008. С. 181 сл.

Рис. 1. Метрическая эпитафия из Херсонеса Таврического (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»).

1 см. Камень обломан со всех сторон, от некоторых строк сохранилось не более 7–10 букв, однако наличие значительного незаполненного пространства в верхней и нижней частях эпиграфического поля позволяет предположить, что ни одна строка надписи не пропала полностью. Лицевой фас плиты тщательно обработан, на нем видны следы разлиновки, тыльная сторона обработана суммарно. Палеография надписи позволяет датировать ее в пределах II века н.э., скорее всего не ранее середины века. Буквы вырезаны глубоко, украшены апексами, некоторые из них имеют характерный наклон (*альфа*, *лямбда*, *пи*, *ро*), *мю* приближается к курсивной форме, ножка *псилона* иногда укорочена.

Текст сохранился очень фрагментарно:

vac.

[---]ΕΧΘΩΝΜΕΝΡΑ+[---]

[---]ΜΥΠΟΔΕΞΑΜΕΝ[---]

[---]ΠΤΑΜΕΝΑΠΟΤΟΛΥ+[---]

4[---]ΕΔΙΣΤΑΓΕΟΣ vac.

[---]ΕΥΝΑΣΕΠΟΡΕΞΕΤΑΝ[---]

[---]ΙΜΟΥ vac. 4 litt. ΕΠΟΥΡΑ[---]

[---]+ΥΠΟΔΑΙΜΟΝΟΣΑΡΠ[---]

8[---]ΕΙΘΕΘΥΠΟΧΘΟΝΙΑ vac.

[---]ΛΛΟΣΕΦΥΚΑΚΟ[.]Η+[---]

[---]ΣΦΩΤΟΣΙΔ+[---]

[---]ΣΑΣΤΕΜΦΕΟ[---]

12[---]ΑΓΧΥΠΟΙ+[---]

vac.

1. В конце строки видна нижняя часть вертикали и следы косой гасты (возможно, Ν, Κ, Μ, Λ). 3. В конце строки след от косой черты, вероятно, Μ. 7. В начале строки след вертикальной гасты (Τ ?). 9. В конце строки вероятно Σ. 10. В конце строки следы наклонной черты (Μ или Α) 12. От последней буквы сохранилась вертикальная гаста (Η ?).

Несмотря на плохую сохранность текста уже первое знакомство с надписью позволяет сделать предположение, что перед нами надгробная эпитаграмма. На это указывают несколько несомненно читаемых слов: «земля» – χθών в начальной строке, «демоном» – ὑπὸ δαίμονος в стк. 7, «подземная» – ὑποχθονία в стк. 8. Обращает на себя внимание и то, что стк. 4 короче предшествующих ей сткк. 1–3, а стк. 8 короче сткк. 5–7; при этом и стк. 4, и стк. 8 отмечены vascat. Метрически завершение этих укороченных строк соответствует одной и той же схеме: — — —, за которой угадывается окончание пентаметра. Допустимо предположить, что vascat маркировал и заключительную, 12-ю, строку надписи, которая, возможно, так же как и сткк. 4 и 8, была короче трех предшествующих. В этом случае не исключено, что, как и множество античных метрических эпитафий, данная состояла из комбинации стихов, написанных гекзаметром и пентаметром. Однако, не имея возможности вычислить длину строк, мы не можем сказать ничего более определенного о метрике этого поэтического произведения. Обратимся к чтению надписи.

Строки 1–4. В стк. 2 нет альтернативы восстановлению формы аористного причастия ж. р. ὑποδεξαμένη[α] – «принявшая»², которое должно согласовываться с существительным χθών – «земля» в начале надписи (ср. Peek, GVI 806, 6: χθών με καὶ ἡ κόλλοις ὑστατα δεξαμένη, «наконец принявшая меня в свое лоно земля»). С другой стороны, в надгробной поэзии существительное χθών в качестве подлежащего обычно соединяется с глаголами со значением «скрывать», «хранить» и т.п., например, κέκευθε, ἐκάλυψε, ἔκρυψε. Один из них может быть предложен exempli gratia и в данном случае. В стк. 3 без сомнения читаются аористное причастие πταμένη от глагола πέτομαι – «лететь» и существительное Ὀλύμπος («Олимп») или производное от него прилагательное Ὀλύμπιος – «олимпийский». Очевидно, перед нами достаточно часто встречающееся в надгробных эпитаграммах противопоставление посмертной участи тела и души: удел тела – находиться в земле, удел души – пребывать вместе с богами³. Эта идея присутствует в жанре эпитафии начиная с классической эпохи (ср. в аттической надписи V в. до н.э., SEG 10, 6: αἰθερ μεμ φσυχὰς ὑπεδέχσατο, σὸμ[α]τα δὲ χθόν) – «души встретил эфир, а тела – земля». Приведем также параллели из текстов более позднего времени: κεῖται μὲν γαίῃ φθίμενον δέμας, ἡ δὲ δοθῖσα ψυχὴ μοι ναίει δώματ' ἐπουράνια (Peek, GVI 1978, 9–10 – «в земле лежит умершее тело, данная же мне душа обитает в небесном жилище»); ἀθάνατος ψυχὴ τὰ μὲν οἰκίῃ τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ναίω, σῶμα δ' ἐμὸν γαῖα φέρει φθίμενον (Peek, GVI 1978, 11–12: «бессмертная душа, я живу в жилищах олимпийцев, а мое умершее тело несет земля»); ψυχὴ αἰθέρα ναί-εταί (Anth. Pal. VII. 348, 3: «душа живет в эфире»). В стк. 4 несомненно читается gen. sg. редкого поэтического прилагательного μελίσταγῆς (на камне *дельта* ошибочно вырезана вместо *лямбды*). Его буквальное значение «источающий мед», а в данном случае оно употреблено метафорически «сладост-

² В пользу восстановления здесь и далее форм дорийского диалекта говорит сохранившееся причастие ж. р. πταμένη в стк 3.

³ Ср. Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, 1942. P. 31 f.

ный, милый» (ср. использование этого слова в описании земли праведников в Orac. Sib. V 282: νᾶμα μελισταγέος ἀπὸ πέτρης ἡδ' ἀπὸ πηγῆς ῥεύσει πάντεσσι δικαίοις – «для всех праведных медовая влага будет течь из скалы или из источника»). Итак, в рассмотренных стихах содержалось развитие темы счастливой загробной жизни души (ср. Peek, GVI 1830, 6–7: ποτεινὸς...βίωτος; Plat. Axī. 371 d: ἡδεῖα δίατα). Содержанию сткк. 1–4 могло бы соответствовать следующее восстановление *exempli gratia*:

[-----? ἔκρυψ]ε χθών μὲν ῥα+[---]

[-----σώ]μ' ὑποδεξάμεν[α---]

[ἄθάνατος δ' αἰεὶ ψυχά] πταμένα ποτ' Ὀλυμ[πον]

4 [ναιετάει χώρου δῶμα μ]ε<λ>ισταγέος vac.

Перевод: «---скрыла земля, приняв тело---, бессмертная же душа, улетевшая к Олимпу, живет в обители сладостного края».

Строки 5–8. В стк. 5 надежно читается существительное εὖνη – «ложе» в форме асс. pl. или gen. sg. и глагол ἐπορέγω – «протягивать, давать» в форме aor. ind. act. 3 л. ед. ч., но без количественного приращения, что типично для эпической поэзии (ср. Hom. Il. VI 466; Apol. Rhod. Arg. II 1212). Первое слово заставляет вспомнить поэтическую формулу Ἄιδος εὖναί – «ложе Аида» (ср. Peek, GVI 704, 3: κεῖμαι ἐς...ἀλαμπέας Ἄιδος εὖνας; 2080, 3: Ἄιδος εἰς εὖνας; IG V 2, 176, 2; IG XII 5. 739, 42).

Я предложил бы в данной строке восстанавливать: [---Ἀΐδας]εὖνας ἐπόρεξε ταν[ύσας---] – «Аид широко расстелил (свое) ложе» (ср. SEG XXII. 280, l. 5: ε[ὐνᾶν ὀ]ρεξάντων). В следующей строке не вызывает сомнений чтение прилагательного ἐπουράνιος – «небесный», но для восстановления стиха сохранилось слишком мало данных. *Exempli gratia* можно предложить: [---οἶ]μου ἐπουρανί[ων---] – «дороги небожителей». Далее (стк. 7) надежно восстанавливается имеющая много параллелей синтагма [---] ὑπὸ δαίμονος ἀρ[πασθέν]τα/εἶσα ---] – «похищенного/ая демоном» (ср. I.Prusias ad Nuprium 74, 9 = Peek, GVI 650: ἀλλὰ μέ τις δαίμων ἥρπασεν εἰς Ἀΐδην – «некий рок похитил меня, уведя в Аид»). Слово δαίμων в поэзии часто является эквивалентом для τύχη, μόρος, μοῖρα, приобретая значение «судьба, смерть» (уже в Hom. Il. VIII. 166; ср. также Anth. Pal. VII. 167, 3–4: παῖδα δὲ δαίμων/ἔφθασεν οὐδ' αὐτῶν εἴκοσιν ἡελίων; Peek, GVI 362, 2; 650, 4; 2029, 4).

В стк. 8 полностью сохранившееся прилагательное ὑποχθόνιος – «подземный» допускает различные толкования, но предыдущее слово, судя по сохранившимся буквам, представляло собой глагол πείθομαι – «подчиняться, повиноваться» в форме имперфекта. Отсюда и указанную форму прилагательного следует скорее всего понимать как dat. sg. ж. р., а всю фразу восстанавливать: [---θεᾷ π]εῖθεθ ὑποχθινίᾳ – «повиновался/лась подземной богине». Иными словами, здесь скорее всего шла речь о владычице царства мертвых Гекате-Персефоне, часто фигурирующей наряду с Аидом в надгробной поэзии (Peek, GVI 1572; 1594, 2; 1889, 4; 1988, 12). Итак, лейтмотивом следующего четверостишия было, видимо, описание смерти, при этом автором использовались традиционные мифологические образы. Восстановление рассмотренных строк с рядом дополнений *exempli gratia* выглядит следующим образом:

[---? Ἀΐδας] εὖνας ἐπόρεξε ταν[ύδας---]

[-----? οἶ]μου vac. 4 litt. ἐπουραν[ίων ---]

[-----] ὑπὸ δαίμονος ἀρ[πασθέντι/εἶσα---]

8 [---θεᾷ π]εῖθεθ' ὑποχθονίᾳ vac.

Перевод: «— Аид широко расстелил (свое) ложе, — дороги бессмертных, — похищенного/ая роком, — повиновался/лась подземной богине».

Строки 9–12. Последние четыре строки представляют наибольшие трудности для восстановления и просто понимания смысла текста из-за серьезного повреждения эпиграфического поля в правой части. В стк. 9 читается, видимо, прилагательное $\kappa\alpha\kappa\acute{o}[\varsigma]$ – «дурной» или производное от него существительное $\kappa\alpha\kappa\acute{o}[\tau]\eta[\varsigma]$ – «порок», а также глагольная форма в аористе 3 л. ед. ч. $\epsilon\tilde{\nu}\nu$ (в поэзии часто выступает эквивалентом формы $\eta\nu$ – «был». Форму $\gamma\epsilon\nu$ sg. $\phi\omega\tau\acute{o}\varsigma$ в следующей строке можно трактовать двояко, производя ее либо от существительного среднего рода «свет» ($\phi\acute{o}\varsigma$), либо от существительного мужского рода «муж, человек» ($\phi\acute{o}\varsigma$). Первые буквы следующего затем слова читаются как $\text{I}\Delta\text{M}$ или $\text{I}\Delta\text{A}$. В качестве вариантов дополнения можно рассматривать, например, антропонимы $\text{I}\delta\alpha\iota\tau\acute{o}\varsigma$ $\text{I}\delta\mu\omega\nu$ vel sim. Правда, следует отметить, что чтение $\text{I}\Delta\text{M}$ создает метрическую сложность, поскольку образует последовательность — —, невозможную в дактилическом гекзаметре или пентаметре⁵. Тем не менее если все же исходить из допустимости чтения $\text{I}\Delta\text{M}$, то можно дополнять также форму поэтического прилагательного $\text{i}\delta\mu\omega\nu$ («знающий») или однокоренные с ним поэтические инфинитивы $\text{i}\delta\mu\epsilon\nu$, $\text{i}\delta\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ («знать»). Exempli gratia можно предложить: [---] $\phi\omega\tau\acute{o}\varsigma$ $\text{i}\delta\mu[\omega\nu\varsigma ? \epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\acute{\iota}\alpha\varsigma]$ – «мужа, знающего ? благочестие».

В стк. 11 читается встречающееся в поздней поэзии прилагательное $\alpha\sigma\tau\epsilon\rho\phi\acute{\eta}\varsigma$ – «упорный, необоримый, безжалостный» в $\gamma\epsilon\nu$ sg., обычно указывающее на некое непреодолимое препятствие (например Opp. Hal. II. 84: $\alpha\sigma\tau\epsilon\rho\phi\acute{\eta}\varsigma$ $\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$). Это прилагательное засвидетельствовано как эпитет Аида в одной стихотворной эпитафии из Смирны (Peek, GVI 1512, 4 = I.Smyrna 520, 4: $\alpha\sigma\tau\epsilon\rho\phi\acute{\eta}\varsigma$ $\text{A}\acute{\iota}\delta\eta\varsigma$ – «безжалостный Аид». Не исключено, что в этой же функции выступает оно и в данном случае. Наконец, в заключительной строке читается наречие $[\pi\acute{\alpha}]\chi\chi\upsilon$ – «совершенно» и, вероятно, одна из форм глагола $\pi\omicron\iota\epsilon\omega$. Относительно темы заключительных стихов можно строить лишь догадки. Возможно, автор говорил о неотвратимости смерти, сетуя на то, что даже добродетель и другие достоинства не избавляют от власти безжалостного Аида и что добродетельные люди подчас уходят из жизни раньше порочных (ср $\kappa\alpha\kappa\acute{o}[\varsigma]$ или $\kappa\alpha\kappa\acute{o}[\tau]\eta[\varsigma]$ в стк. 9). Близкий мотив звучит в херсонесской эпитафии Ойнанфы, дочери Главкия, датирующейся также II в. н.э. (IOSPE I². 519. 14): $\tau\acute{\iota}\varsigma \mu\alpha\kappa\rho\omega\nu \nu\omicron\mu\omicron\varsigma \omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma \text{i}\nu' \alpha\nu\epsilon\rho\epsilon\varsigma \eta\epsilon \nu\upsilon \kappa\omega\rho\alpha\iota / \omicron\upsilon\chi\iota \kappa\alpha\kappa\acute{\alpha} \theta\eta\eta\sigma\kappa\omicron\upsilon\sigma\iota \pi\rho\omicron\mu\omicron\iota\epsilon\varsigma \omicron\upsilon\chi\iota \tau\omicron\kappa\eta\omega\nu / \omicron\upsilon\tau\iota\delta\alpha\nu\omega\nu$ – «почему таков закон богов, что мужи или непорочные девы, происходящие не от ничтожных родителей, умирают до срока?»⁶. Предложить, однако, даже приблизительное восстановление этой части эпитафии не кажется возможным.

В заключение я привожу греческий текст, сохранив лишь наиболее вероятные из обсуждавшихся выше дополнений:

⁴ Ср. Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917. S. 539.

⁵ Возможное объяснение (если не постулировать метрическую погрешность): краткий слог приходится на сильную позицию перед цезурой в пентаметре. Подобные метрические вольности иногда допускались (West M.L. Greek Metre. Oxf., 1982. P. 45–46 с примерами: Theogn. 2; CEG 407, 2).

⁶ Текст IOSPE приводится с учетом исправлений, предложенных У. Виламовитцем (Wilamowitz-Moellendorf U. von. Lesefrüchte // Hermes. 1928. 63. S. 385) и подтверждающихся моим чтением камня (НЗХТ, инв. № 3657).

vac.

[----? ἔκρυψ]ε χθών μὲν ῥα+[---]

[----- σω]μ' ὑποδεξάμεν[α---]

[ἀθάνατος δ' αἰεὶ ψυχὰ] πταμένα ποτ' Ὀλυμ[πον]

4 [ναιετᾶει χώρου δῶμα μ]ε<λ>ισταγέος vac.

[--- ? Ἀίδας] εὐνάς ἐπόρεξε ταν[ύσας---

[-----? ο]ἴμου vac. 4 litt. ἐπουραν[ίων---

[-----] ὑπὸ δαίμονος ἄρπ[ασθέντι/εἷσα---

8 [--- θεᾶ π]εῖθεθ' ὑποχθονία vac.

[-----]λλος ἔφν κακο[.]H+[---]

[-----]ς φωτὸς ΙΔ+[---]

[--- Ἀιδο]ς ἀστεμφέο[ς ---]

12 [----π]άγχυ ποιή[σας? ---]

vac.

4. [μ]ε<λ>ισταγέος, камень: ΕΔΙΣΤΑΓΕΟΣ. 10. Ἰδα[ίου] vel Ἰδυ[ονος] vel sim.; vel ἰδυ[ονος? e.g. εὐσεβίας].

II. В 2007 г. в ходе охранных раскопок на Девичьей горе (руководитель работ Т.Ю. Яшаева), недалеко от херсонесского городища, была обнаружена использованная вторично известняковая плита желтоватого цвета с греческой надписью (рис. 2, вклейка). Камень хранится в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» (временный инв. № 127/36504)⁷. Лицевой и боковые фасы плиты тщательно обработаны, тыльная часть обработана грубо. Верхняя и нижняя ее части не сохранились. Размеры плиты: высота – 55 см, ширина – 40 см, толщина – 14,5 см.

Надпись выполнена аккуратно по заранее прочерченным линейкам. Высота букв: 3,5 – 4 см; межстрочный интервал – 1,5 см. Буквы сохранили незначительные следы красной краски. Слева строки отступают от края плиты на 3–5 см, а справа уходят в обрез плиты, что объясняется скорее всего тем, что камень был подтесан при вторичном использовании. По шрифту памятник датируется II веком н.э., скорее всего его второй половиной. Буквы несколько вытянуты, украшены небольшими апексами, *омега*, *эпсилон*, *сигма* имеют курсивную форму. В первой, восьмой и десятой строках примечательна конечная декоративная *сигма*; она уменьшена и приподнята над строкой.

Текст читается следующим образом:

[--- τανη]λεγέως

[---] +I+++

+ον νεον κτείνασα

4 χερσίν ἀγριοθύμων

δῶκας ἄχος [β]αρυπενθῆ

τοκεῦσιν ἡδὲ φίλοισιν

ὄν κόλποισιν θρέψασα

8 καὶ τιθηνήσασα Σουσις

δύσμορον ἐνθάδε θῆκε

παρὰ πλευρῇσι πατρώαις

[δα]κρυα πολλὰ χ<ε>υσα

⁷ Автор выражает искреннюю признательность Т.Ю. Яшаевой за разрешение опубликовать данную находку.

Рис. 2. Метрическая эпитафия из Херсонеса Таврического (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»).

2. В конце строки либо *омикрон*, либо с большей вероятностью знак-разделитель в виде листа плюща. 3. В начале строки видна нижняя часть вертикали. Exempli gratia: [ἀν]τὸν или личное имя [Κλύ]τον, [Τί]τον vel sim. 9. πλευρῆσι = πλευρῆσι. 11. χ<ἐ>ουσα камень: ΧΘΟΥΣΑ.

Перевод:

--- с большой скорбью

убившая (его) молодого
руками свирепых (людей),
ты причинила тяжелое горе
родителям и друзьям.
Вскормившая на своих коленях
и взрастившая его Сусида
похоронила несчастного здесь
рядом с отцом,
проливая много слез...

Надпись представляет собой стихотворную эпитафию, написанную дактилическим гекзаметром, содержащим, однако, немало метрических погрешностей. Записанный по стихотворным строкам текст имеет следующий вид:

[? ἀν]τὸν νέον κτεῖνασα/ χερσὶν ἀγριοθύμων/
δῶκαζ ἄχος βαρυπενθῆ/ τοκεῦσιν ἡδὲ φίλοιςιν/
ὄν κόλλοισιν θρέψασα/ καὶ τιθηνήσασα Σουσίς/
δύσμορον ἐνθάδε θῆκε/ παρὰ πλευρῆσι πατρώαις/
δάκρυα πολλὰ χέουσα/

Первый целиком сохранившийся стих занимает строки 3 и 4. В первой стопе стиха на месте первого краткого стоит долгий, в третьей стопе в слове κτεῖνασα последний слог трактуется как долгий, в четвертой стопе как долгое трактуется окончание dat. pl. существительного χερσὶν. Во втором стихе (сткк. 5–6) в слове βαρυπενθῆ последний слог скандируется как краткий, а в слове τοκεῦσιν последний слог трактуется как долгий. В третьем стихе (сткк. 7–8) в форме κόλλοισιν приставное ν создает ненужную долготу слога по положению, в третьей стопе καὶ принимается за краткий, а в слове τιθηνήσασα предпоследний долгий слог занимает место второго краткого в пятой стопе. Четвертый стих (сткк. 9–10) и сохранившаяся часть пятого стиха (стк. 11) безупречны с точки зрения метрики.

Строки 1–2. От первой строки надписи сохранилось шесть последних букв, которые допускают единственно возможное восстановление – наречие [τανη]λεγῶς, производное от эпического прилагательного τανηλεγῆς – «приносящий долгое страдание», которое начиная с Гомера выступает регулярным эпитетом смерти (Hom. II. VIII. 70 = XXII. 100: κῆρε τανηλεγῆος θανάτοιο; ср. Od. II. 100 etc). При этом само данное наречие до сих пор было засвидетельствовано в греческом языке лишь однажды в эпитафии из Фригии (SEG I. 450), причем, как явствует из контекста надписи, там оно употреблено скорее всего в значении «заботливо», а не в значении «скорбно» (ср. LSJ, s.v. τανηλεγῆς). К сожалению, в херсонесской эпитафии наречие [τανη]λεγῶς лишено какого бы то ни было контекста, поэтому мы не можем установить, какой из возможных вариантов имел в виду автор стихов. Однако в любом случае появление данного слова в надгробной эпиграмме не выглядит неожидан-

ным. Что же касается второй строки надписи, то частично сохранившиеся от нее несколько букв не поддаются определению.

Строки 3–4. Здесь содержится указание на молодость умершего (νῆον). Его точный возраст мог быть указан в верхней, не сохранившейся, части плиты. Поскольку левый край надписи выравнен, можно с уверенностью заключить, что в начале стк. 3 недостает двух-трех букв. Это подтверждается и метрически: отсутствует первый долгий слог первой стопы. Здесь, судя по всему, надо восстанавливать либо местоимение [αὐ]τὸν, либо короткое личное имя, например, [Κλῦ]τον, [Τί]τον vel sim. Причастие κτεῖνᾱσα в конце стк. 3 подразумевает существительное женского рода (на это же существительное указывает местоимение «ты» при глаголе δῶκας в следующей строке), обозначавшее причину смерти упоминаемого в эпиграмме молодого человека. Можно предположить слово со значением «судьба, рок», например, Μοῖρα, Ἀνάγκη и т.п. Не исключено, что здесь могло фигурировать и географическое название, указывающее на область или страну, где погиб юноша. Намек на более точные обстоятельства его смерти содержит фраза «убившая руками свирепых (людей)» – χερσὶν ἄγριοθῦμων – в конце первого стиха. Речь могла идти о нападении разбойников или набеге варваров. Похожая форма выражения засвидетельствована одной делосской метрической эпитафией римского времени (Peek, GVI 633, 5), где сказано, что умерших братьев-купцов «погубил остров Серифос мечами диких людей» – ἄγροίκων ἔψφεεσι Σεριφιάς ὤλεσε νῆσος⁸. Употребленное здесь прилагательное ἄγριοθυμος крайне редко встречается в дошедших до нас греческих текстах. Все известные примеры относятся к римскому или византийскому времени (ср. Oppian. Syneg. II. 103, 446, где слово выступает эпитетом диких зверей, и Ant. Graec. VIII. 104, 5: δαίμονες ἄγριοθυμοί).

Строки 5–6. Следует отметить неаугментированную форму аориста δῶκας, характерную главным образом для эпического языка (ср. Hom. Od. IV. 647; VIII. 415; XXIV. 340). Прилагательное βαρυπενθής – «приносящий тяжелое страдание» – достаточно рано засвидетельствовано в поэтическом языке (например у Вакхилида XIV. 12: ἐν βαρυπενθεσὶν μάχαις), но не встречается у Гомера. Форма βαρυπενθῇ (nom./accus. n. pl. или accus. m./f. sg.) стоит в тексте вместо ожидаемой в согласовании с существительным – ἄχος – «горе, печаль» формы βαρυπενθές (accus. n. sg.). Возможно, это связано не столько с ошибкой резчика, сколько с грамматической ошибкой редактора, употребившего форму мужского рода вместо формы среднего рода. Наконец, в выражении τοκεῦσιν ἡδὲ φίλοισιν («родителям и друзьям») в стк. 6 следует отметить его формульный характер, восходящий к гомеровскому языку, и употребление гомеровского окончания -οῖσι в существительном 2-го склонения.

Строка 7. Словосочетание κόλλοισιν θρέψασα (обычно ἐν κόλλοισιν) является распространенным клише, встречающимся в прозаических и поэтических текстах, в том числе и в надгробной поэзии (ср. в метрической эпитафии из Карики, Kaibel 292, 1–3: τὺμβος μὲν κρύπτει με τὸν ἐν κόλλοισι τραφέντα). Следует отметить небрежность резчика или автора эпиграммы, добавившего ν приставное там, где оно не требовалось, поскольку следующее за ним слово начиналось с согласного. Кроме того, как указывалось выше, оно создавало позиционную долготу там, где метр требовал краткого слога.

⁸ Ср. Wilhelm A. Zwei griechische Grabgedichte // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. Beiblatt. 1901. IV. S. 19.

Строка 8. Несмотря на незначительное повреждение последней буквы строки, имя матери умершего, поставившей надгробие, читается надежно – Σοσις. Других случаев употребления данного антропонима в таком написании обнаружить не удалось. Возможно, однако, что то же самое женское личное имя засвидетельствованно в другой огласовке, – Σωσις (Pape-Benseler, s.v.; ср. *ibid.*, s.v. Σουσι(α)). Примечательно, что однокоренное мужское имя Σοῦσος встречается в Северном Причерноморье в римское время: в надгробных надписях из Тиры (IOSPE I². 11) и европейского Боспора (SEG XXV. 869 = Bull. ép. 1990, 592). В целом имена на Σουσ-характерны для Малой Азии, а также для западнопонтийского региона (LGPN. IV, s.vv. Σουσα, Σουσας, Σουσιων, Σουσος), но вопрос об их происхождении окончательно не решен. Высказывались мнения в пользу их иранского, фракийского и малоазийского происхождения⁹. Менее вероятным представляется объяснение этого греческого имени как антропонима, тождественного этнику Σουσις («жительница Суз»); чаще всего носителями имен такого типа были рабыни и гетеры¹⁰.

Строки 9–11. Слово δῦσморος является одним из регулярных эпитетов умершего, причем часто оно указывает на преждевременную смерть молодого человека (Peek, GVI 643; КБН 127, 129). Вместо чтения ἐνθάδε θῆσε допустимо читать ἐνθάδ' ἔθηκε с элизией гласного перед формой глагола со слоговым приращением. В стк. 10 в форме существительного πλευρῆσι резчиком вместо *эты* ошибочно вырезан *эпсилон*. Здесь мы (как и в сткк. 6, 7) имеем дело с эпическим окончанием dat. pl., но уже для существительного 1-го склонения (ср., например, *Hom. In Merc.* 157). В стк. 11 автором, очевидно, использована хорошо известная гомеровская формула δάκρυα θερμὰ χέοντες, «проливая горячие слезы» (ср. *Hom. Il.* VII. 426; XVI. 3; XVIII. 17, 235; *Od.* IV. 523; XXIV. 46; ср. также Peek, GVI 311, 1: *ετα δάκρυσι θῆκεν*).

Подводя итог, отметим, что обе публикуемые эпитафии относятся приблизительно к одному и тому же времени: середине – второй половине II в. н.э. О литературном качестве первого из двух текстов говорить сложно из-за его фрагментарного характера, хотя, судя по всему, он был составлен весьма профессионально. Вторая эпитаграмма представляет собой несомненный пример массовой литературной продукции: она состоит в основном из поэтических клише и содержит немалое число метрических погрешностей. Как бы то ни было, оба текста пополняют нашу не очень многочисленную коллекцию бытовавшей в Херсонесе римского времени надгробной поэзии¹¹, и в этом их основное значение.

⁹ Ср. также засвидетельствованные в Северном Причерноморье имена Σουσας (Танаис, КБН 1259, 20) и Σουσουλων (Ольвия, НО 79 = IOSPE I². 116). О происхождении имен с этим корнем см. Zgusta L. *Die Personennamen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955. № 743; Robert L. *Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine*. P., 1963. P. 318; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 104–105.

¹⁰ О греческих женских именах, образованных от этника, см. Bechtel F. *Die Attischen Frauennamen*. Göttingen, 1902. S. 57–63.

¹¹ Ср. перечень найденных в Херсонесе метрических эпитафий, приводимый Э.И. Соломоник в НЭПХ II. С. 227.

TWO METRICAL INSCRIPTIONS OF THE ROMAN PERIOD FROM CHERSONESUS TAURICA

I. A. Makarov

The author publishes two gravestone epigrams discovered recently in Chersonesus Taurica. Their paleographical characteristics make it possible to date them back to the 2nd century AD, most probably to its second half. The first of the two texts uses the traditional motifs of the genre: different lots of soul and body after death, happy afterlife of the soul and inevitability of death. The second epigram is characterized by numerous poetical clichés and metrical faults. It is noteworthy that Σουσις, a female name of Thracian or Asian origin is for the first time attested in the 8th line of this inscription (cf. other female names of the same root known in the North and West Pontic area: Σουσα, Σουσας, Σουσιων, Σουσος).